

Любое движение, каждый шорох у престола императора мгновенно отдавались в покоях наложниц.

До Вдовствующей императрицы весть о том, что государь призвал к себе Хан Сиэня, донеслась едва ли не первой. Услышав эту новость, Благородная супруга Ши тонко улыбнулась и обратилась к свекрови:

— Его Величество неизменно предан вам, матушка. Сегодня ваш день рождения, и он, конечно, не допустит, чтобы вас омрачила хоть малейшая забота.

Вдовствующая императрица улыбнулась чуть теплее. Остальные наложницы поспешили вторить её словам, и даже обычно строгая императрица позволила себе мягкую, открытую улыбку.

— Император — почтительный сын, — вздохнула Вдовствующая императрица, обводя взглядом невесток.

В молодости она славилась железной хваткой. Любовью покойного государя она никогда не пользовалась, однако её отец занимал пост первого министра при прежней династии, и её родная семья обладала колоссальным влиянием. В своё время она вместе с кланом Ши приложила немало сил, чтобы помочь нынешнему императору взойти на престол, и не раз доказывала, что умеет быть беспощадной.

Поэтому воцарившийся правитель относился к ней с величайшим почтением и пожаловал клану Ши титул, наследуемый без понижения ранга. Долгое время после восшествия на престол именно мать помогала ему принимать государственные решения. Лишь в год смерти Императорского благородного супруга Ван Ина она постепенно передала все бразды правления сыну, уйдя на покой в глубь гарема. Впрочем, уважение императора к ней ничуть не угасло.

В глазах придворных Вдовствующая императрица оставалась грозной силой, чьё слово могло стать решающим при выборе наследника престола. Оттого наложницы, успевшие обзавестись сыновьями, из кожи вон лезли, стараясь угодить ей. И лишь Хан Сиэнь знал, как обстояли дела на самом деле.

Аудиенция Хан Сиэня в Императорском кабинете длилась недолго. Когда он вышел наружу, взгляд евнуха Юаня потеплел ещё сильнее.

Юань Бао следовал за государем с тех самых пор, как тот был ещё безвестным принцем. Он, возможно, не знал всех тайн своего господина, но безошибочно читал его настроение по малейшему движению бровей. Пускай евнуху не суждено было оставить после себя наследников, он стоял на самой вершине власти, и даже члены императорской семьи заискивали перед ним.

Однако Юань Бао прекрасно понимал: едва на трон взойдёт новый правитель, его золотой век закончится. Ему хотелось лишь одного — спокойно служить императору и умереть раньше него, чтобы удостоиться достойных похорон. Если же судьба судит ему пережить господина, то оставалось надеяться на заступничество кого-то влиятельного, способного избавить его от позорной казни и сохранить тело целым для погребения.

Поэтому к Хан Сиэню он поначалу относился со сдержанным дружелюбием, теперь же в его поведении сквозило глубокое почтение. Сам Сиэнь не придавал значения этим переменам: он знал, что очень скоро подобный трепет перед ним начнут испытывать и многие другие.

Когда Хан Сиэнь вернулся во Дворец Вечного Доверия, томившиеся в ожидании члены клана Хань наконец облегчённо вздохнули. Пока юноша шёл в боковой покой, Добродетельная наложница Хан Юнь поспешила велеть служанкам поднести чаю евнуху Юаню, надеясь вывести хоть какие-то новости.

— Добродетельная наложница слишком добра к старому слуге, — с привычной мягкой улыбкой поклонился Юань Бао. — Государь ждёт моего возвращения, так что от чая откажусь. Могу лишь сказать, что Его Величество чрезвычайно благоволит молодому наследнику, так что вашей светлости не о чем беспокоиться.

Сердце Хан Юнь болезненно сжалось. Именно это благоволение императора к её племяннику и внушало ей самый сильный страх. Однако на лице её не отразилось ни тени тревоги — лишь тёплая, благодарная улыбка.

— То, что Его Величество одарил наследника своей милостью — величайшее счастье для нашей семьи, — мягко произнесла Хан Юнь. — Благодарю вас, евнух Юань, за заботу о моём племяннике.

Стоявшая рядом служанка ловко скользнула вперёд и вложила в руку евнуха увесистую пачку серебряных векселей.

Юань Бао принял подношение — уже второе за сегодняшний день — со всё той же неизменной улыбкой.

— Старый слуга недостоин столь щедрых даров. Позвольте откланяться.

Оставив Дворец Вечного Доверия, евнух неторопливо пошёл обратно к Императорскому кабинету. Поглаживая скрытые в широком рукаве вексели, он сощурился ещё сильнее. Обо всех подарках, деньгах и подношениях от наложниц, чиновников и принцев он всегда честно докладывал императору до последней медной монеты. Глупцы в гареме и при дворе радовались, полагая, что сумели привязать к себе доверенное лицо государя, даже не подозревая, насколько прозрачны их уловки для самого владыки.

Едва за евнухом закрылась дверь, лицо Хан Юнь мгновенно заледенело. В залах Дворца

Вечного Доверия воцарилась гнетущая тишина.

Откинувшись на спинку изящного кресла, она нахмурилась. Растущее влияние Хан Сиэня на императора грозило разрушить все её планы. Ей нужно было немедленно связаться с домом и потребовать, чтобы они как можно скорее лишили этого парня титула наследника.

\*\*\*

В это время в боковом покое, отведённом для отдыха мужчин клана Хань, Хан Сиэнь сидел в кресле и лениво рассматривал собственные пальцы. С момента его возвращения кузены то и дело бросали на него любопытные взгляды. Поначалу Сиэнь не обращал на них внимания, но затем просто поднял глаза и одарил родственников такой откровенно насмешливой улыбкой, что те поспешно отвернулись.

В их головах роились сотни вопросов, но, будучи едва знакомыми с кузеном, они не решались заговорить первыми. Они надеялись прочесть хоть что-то по его лицу, однако безуспешно: Сиэнь умел сохранять каменное выражение, когда не желал показывать эмоций.

Время неумолимо шло к вечеру. Когда приблизился час торжественного ужина, мужчины клана Хань покинули Дворец Вечного Доверия.

Празднества в честь великих дат традиционно устраивали в Императорском саду Благоприятствования. Просторный, утопающий в изысканной зелени сад по праву считался жемчужиной дворцового комплекса и идеально подходил для пышных приёмов.

Оказавшись на месте, Хан Юэчжун и Хан Юэвэнь быстро встретили знакомых и разделились на небольшие группки. Хан Юэцин, совсем недавно вернувшийся из южных земель Цзяннаня, благодаря живому участию старшего брата быстро влился в круг столичной золотой молодёжи.

На их фоне Хан Сиэнь — законный наследник герцогского титула — выглядел на редкость одиноко. Он стоял чуть в стороне, прислонившись спиной к стволу старого абрикосового дерева, безучастный ко всему происходящему. Хан Юэчжун, заметив его уединение, на мгновение замялся, а затем вознамерился подойти и увлечь кузена в общую компанию.

Однако не успел он сделать и шага, как его мягко придержал за локоть Хан Юэцин.

— Брат, — с притворной заботой прошептал он, — не стоит. В прошлый раз в поместье князя Юна ты уже пытался представить его своим друзьям, и кузен остался крайне недоволен. Дворцовый прием — не место для семейных разборок. Если он снова выйдет из себя и устроит скандал, пострадает репутация всего нашего дома.

В его словах крылся ядовитый намёк на недавнюю безобразную сцену у ворот Дворца Вечного Доверия. Хан Юэчжун заколебался.

Столичные щеголи, искушённые в дворцовых интригах, мгновенно уловили суть разговора и мысленно дорисовали картину высокомерия молодого наследника.

Сын помощника министра ритуалов Ли Хань, небрежно покачивая изящным веером, насмешливо заметил:

— Раз так, почтенному Чжунвэню действительно не стоит навязываться. Сегодня великий день, юбилей Вдовствующей императрицы, и портить праздник глупыми выходками было бы крайне неосмотрительно.

Хан Юэчжун нахмурился, собираясь что-то возразить, но его взгляд упал на округлую фигуру, приближающуюся к абрикосовому дереву. Человек этот широко улыбался и что-то оживленно жестикулировал, обращаясь к Хан Сиэню.

Удивлённый тем, что кто-то добровольно решился заговорить с угрюмым Сиэнем, Юэчжун скрыл изумление за вежливой улыбкой и обратился к Ли Ханю:

— Похоже, я зря беспокоился. Брат Сиэнь хоть и редко бывает в свете, но без собеседников не остался.

Ли Хань проследил за его взглядом и, не узнав пришельца, пренебрежительно хмыкнул:

— Что же, возможно, это наше общество просто недостойно взора столь высокомерного наследника.

Хан Юэчжун поспешил перевести разговор на другую тему, рассыпаясь в извинениях перед приятелями. Хан Юэцин с лёгкостью подхватил беседу, делясь столичными новостями, в то время как стоявший рядом Хан Юэвэнь хранил упорное молчание, задумчиво разглядывая Сиэня.

Впрочем, главным центром внимания в этот вечер стала впервые представленная свету Хан Минчжу. Девушка сидела в окружении дам, одетая в простое, но невероятно элегантное платье. Благородная осанка, ясный взгляд и ослепительная, бросакая красота мгновенно приковали к ней внимание гостей. Наследницы знатных родов едва скрывали уколы зависти, а молодые повесы и признанные столичные бездельники не сводили с неё плотоядных взглядов.

Хан Сиэня чужие восторги не трогали. Но едва к нему подошёл Инструктор Бай Шу, о покое пришлось позабыть. Тот без лишних церемоний выпалил прямо с порога:

— Ну что, дочитал те книжки с историями, которые я тебе прислал?

Хан Сиэнь окинул его ледяным взглядом. В этот момент он искренне сочувствовал великому генералу Бай Вэньханю, умудрившемуся вырастить столь бесхитростного и простодушного

брата. В радиусе двадцати шагов от них, к счастью, никого не было. Окажись поблизости лишние уши, уже к утру весь город судачил бы о том, что младший брат прославленного полководца на императорском приёме обсуждает дешёвые любовные романы.

Долго побеседовать им не удалось: прозвучал сигнал о начале церемонии. Император, Вдовствующая императрица и высокоранговые наложницы в окружении целой свиты евнухов и служанок проследовали к своим местам.

Бай Шу поспешно утащил старший брат, а Хан Сиэнь занял своё место за столом рядом с отцом, герцогом Хан Чжо.

Когда Его Величество ступил на залитую огнями площадку, над садом воцарилась абсолютная тишина. В следующий миг сотни голосов слились в едином приветственном хоре, желая долгих лет правления монарху и здоровья его матери.

Государь с теплой улыбкой велел всем подняться и занял центральный трон. Рядом с ним, на почетном месте, сидела виновница торжества, а чуть ниже расположились остальные обитательницы гарема.

После традиционных поздравительных речей император поднял кубок за здоровье матери, и гости дружно поддержали тост. По столам разлили знаменитое дворцовое вино «Зелёный бамбуковый лист». На вкус оно казалось слегка терпким, но оставляло после себя приятную, бодрящую прохладу, приятно кружившую голову. Хан Сиэню этот напиток пришёлся по вкусу.

После трёх обязательных чаш на середину площадки вышли музыканты и танцовщицы. Под нежные звуки флейт и лютен девушки изысканной красоты начали свой плавный танец.

Придворные, стремясь показать безупречную благопристойность, лишь изредка бросали взгляды на сцену, демонстрируя равнодушие к плотским соблазнам. И лишь двое выделялись на общем фоне: известный своим распутством уездный князь Юн и впервые оказавшийся на подобном торжестве Хан Сиэнь.

Но если князь Юн пожирал танцовщиц откровенно сальным, похотливым взором, то Сиэнь созерцал их движения с чисто эстетическим наслаждением. Впрочем, со стороны разница казалась неочевидной, и его пристальный взгляд многие истолковали превратно. Заметив многозначительные ухмылки коллег, Хан Чжо недовольно нахмурился, однако его сын даже не подумал изменить позу.

Когда музыка стихла и танцовщицы покинули площадку, пришёл черед подношения подарков. Первыми свои дары Вдовствующей императрице должны были представить принцы.

Поскольку у нынешней императрицы не было сыновей — лишь единственная дочь, четвёртая принцесса, — место наследника престола оставалось вакантным, что подогревало скрытую борьбу среди братьев.

Старший сын императора, первый принц Цзи Фань, носивший титул Лазурного князя, служил в Военном министерстве. Он отличался богатырским телосложением и недюжинной силой, нисколько не походя на своего утончённого отца или хрупкую мать, наложницу Юнь. Будучи первенцем, он мог бы рассчитывать на поддержку влиятельного клана матери, однако обделённый умом принц интересовался лишь драками да попойками. Несколько лет назад он в пьяной ссоре повредил глаз двоюродному брату, навсегда сделав родственников злейшими врагами, отчего за его спиной теперь не стояло никакой серьёзной силы.

Его подарок вполне соответствовал его прямолинейному нраву — это был великолепный, закалённый меч, способный рассекать железо. По заверению принца, оружие освятил великий мастер, и оно обладало способностью изгонять злых духов. Вдовствующая императрица приняла дар с вежливым, но совершенно холодным выражением лица.

Второй принц Цзи Жун, получивший титул Одобрённого князя, лишился матери в раннем детстве и воспитывался Благородной супругой Ши. Из-за слабого здоровья он редко покидал свои покои и не принимал участия в государственных делах, предпочитая проводить время за написанием стихов. В столице его знали как тонкого поэта и прозвали Праздным князем.

Он преподнёс бабушке искусно вырезанную статуэтку Гуаньинь из чистейшего белого нефрита. Работа была столь тонкой, что можно было разглядеть отдельные волоски на голове богини. Этот дар пришёлся Вдовствующей императрице по душе, и её лицо заметно посветлело.

Третий принц Цзи Ло, уездный князь Юй, поднёс буддийскую сутру, переписанную собственноручно. Старуха сухо похвалила его за прилежание, и принц спокойно вернулся на место.

Наконец, пятый принц Цзи Хуай представил роскошный ковёр Ста Благословений и Ста Долголетий. Огромное полотно размером семь на семь чи украшала великолепная вышивка, изображающая птиц, летящих к фениксу. При правильном освещении в узоре проступали начертанные разными стилями иероглифы «счастье» и «долголетие».

Этот подарок вызвал у именинницы самый искренний восторг. Сидевшая на своём месте Хан Юнь не удержалась от горделивой улыбки.

Пока принцы состязались в щедрости, Хан Сиэнь методично опустошал кувшин с «Зелёным бамбуковым листом».

К тому моменту, как Хан Чжо заметил, что его сын изрядно захмелел, подношение подарков от чиновников уже завершилось.

Вдовствующая императрица медленно обвела взглядом зал и остановила взор на столах клана Хань.

— Слышала я, что драгоценная жемчужина дома герцога Хань наконец вернулась в столицу, — негромко, но отчётливо произнесла она. — Которая из них? Ну-ка, покажитесь старухе.

Хан Сизнь отчётливо расслышал мысли Вдовствующей императрицы, эхом отдавшиеся в его сознании. Стоило Хан Минчжу подняться со своего места, как он пренебрежительно, в голос хмыкнул.

Смешок вышел негромким, но в наступившей мёртвой тишине огромного сада этот звук прозвучал подобно грому.

<http://bllate.org/book/20088/2001985>